

Лингвистические данные в текстологических исследованиях

Взаимоотношение лингвистики и текстологии, лингвистического и текстологического аспектов исследования рукописных памятников можно рассматривать с двух противоположных позиций: 1) что дает лингвистика для текстологии, каким должно быть лингвистическое исследование, предвещающее текстологические выводы, какие стороны лингвистического анализа более и какие менее значимы для текстологических наблюдений, каких именно; 2) что дает текстологическое изучение древнего и средневекового рукописного наследия для лингвистики и каким должно быть текстологическое исследование, предвещающее лингвистический анализ рукописи.

Ниже мы рассмотрим значение лингвистики для текстологии, значение различных языковых данных для установления соотношения древнерусских списков одного и того же памятника между собой.

Памятник (или произведение письменности) для древнейшего периода и средневековья — в известном смысле научная абстракция, так как авторский оригинал или протограф перевода как правило отсутствует и памятник реализуется только в дошедших до нас списках, более или менее существенно различающихся между собой. Текстолог-лингвист, как и текстолог-литературовед, в отличие от лингвиста не-текстолога, тоже фактически изучает конкретные списки, но при этом имеет в виду памятник.

Почти в каждом случае приходится уточнять, что понимается под списками одного памятника, а что под разными памятниками, близкого или одного и того же

содержания. Поясним это на двух примерах. Изучая летописный материал, можно подходить к нему как к одному памятнику, называемому «летопись», и сопоставлять в разных целях записи под одними и теми же годами или повествующие об одних и тех же событиях. Но можно к тому же летописному материалу подходить как к разным памятникам одного и того же или близкого содержания. Другой пример. Отбирая материалы для изучения истории языка древнейшего периода, лингвисту, как известно, приходится анализировать списки памятников традиционного содержания. Так, евангелия рассматриваются либо как рукописи, относящиеся к одному и тому же памятнику, независимо от композиции составных частей, либо к разным памятникам — разным типам книг: тетру, краткому апракосу, полному апракосу, воскресному.

Как правило, чем больше разносторонних заключений текстолог сможет вывести о каждом отдельном списке, тем больше будут приближаться к истине его выводы о памятнике в целом, об истории его текста и о соотношении списков между собой. Из этого закономерно вытекают большие требования к знаниям в области лингвистических дисциплин, которые необходимы текстологу, работающему в области древней письменности. Д. С. Лихачев справедливо предъявляет очень высокие требования к осведомленности текстолога в разных сторонах языкознания. Он пишет: «В текстологической работе совершенно обязательны знания в области истории русского языка, знание исторической диалектологии и лексикологии. Это необходимо не только для отчетливого понимания текста (как правило, текст кажется гораздо яснее тем, кто плохо знает историю русского языка), но и для того, чтобы определять по языку время написания памятника, редакции списка, происхождение памятника из той или иной местности или страны, отличать переводный памятник от оригинального, определять, с какого именно языка он переведен, отличать поддельное произведение от подлинного и т. п. Вне всякого сомнения, необходимо хорошо знать язык, чтобы отличать смысловые разночтения от языковых, языковые от орфографических и т. д.»¹

¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 547. См. там же стр. 82—

Д. С. Лихачев также правильно говорит, что «текстолог, датирующий памятник, его редакции или списки, должен обязательно быть осведомлен в истории русского языка и, в известных пределах, в истории других славянских языков. Он должен уметь определить извод русский, болгарский, сербский, отметить особенности языка и орфографии списка и т. д. Язык и орфография имеют важное датировочное значение. Они должны приниматься во внимание текстологом во всех случаях. Если они не дают решающих примет времени, то по крайней мере текстолог должен быть уверен, что ни данные языка, ни данные орфографии не противоречат его выводам, которые он извлек из примет другого характера. Датировочные данные могут быть извлечены из диалектных особенностей, имеющих свои хронологические пределы. . . , из употребления времен глаголов, из данных лексических и фонетических, из употребления элементов южнославянской орфографии и т. п.»².

Все эти стороны языка и письма того или иного списка памятника необходимо учитывать текстологу, специалисту по разным филологическим наукам. Однако способами, о которых говорится выше, даже квалифицированный лингвист может получить данные лишь самого общего порядка. Для древних и средневековых славянских рукописей это будет определение извода (русский, сербский, болгарский) и установление самой общей датировки. Приходится иметь в виду, что уточнение места написания списка даже по такому бросающемуся в глаза признаку, как, например, цоканье, не всегда свидетельствует о новгородско-псковском происхождении рукописи, так как единичные примеры цоканья в топонимах, в словах, не понятных для писца, в отдельных лексемах (лексикализация) могут быть для изучаемого списка лишь следствием переписки с непосредственного или даже отдаленного оригинала, характеризовавшегося цоканьем. Поэтому в большинстве случаев только всестороннее монографическое исследование языка рукописи с учетом не только написаний, отклоняющихся от традиции,

83, 110—111, 115, 116, 126, 139, 140, 143, 144, 146, 178—179, 183, 188, 269, 272, 278, 287, 321—322, 497, 499.

² Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 278 (разрядка Д. С. Лихачева. — Л. Ж.).

но и традиционных, позволяет локализовать ее территориально и хронологически.

У каждой рукописи, у каждого списка имеется своя специфическая комбинация признаков, не только текстологических, но и лингвистических, палеографических и прочих. Таким образом, установление времени и места происхождения списка памятника (так же как и архетипа, редакции и т. п.) по языковым данным может быть произведено лишь в результате скрупулезного лингвистического анализа. В противном случае эти выводы будут в высшей степени общими, а может быть, даже необоснованными.

Если мы хотим использовать лингвистику для установления соотношения списков памятника не только в историческом, но и в генеалогическом плане, что, с нашей точки зрения, является кульминацией текстологического исследования, то в этом случае прежде всего приходится анализировать разночтения. Здесь мы, естественно, останавливаемся на разночтениях языкового порядка, а не на таких, которые относятся к объему сопоставляемых отрывков (или их частей), их композиции и т. п., т. е. к собственно текстологическому аспекту исследования.

Расценивать разночтения с точки зрения их текстологической значимости важно прежде всего в следующих двух случаях: 1) при привлечении разночтений для решения вопроса о взаимоотношении списков, 2) при отборе разночтений для подстрочного приведения их в научном текстологическом издании. В обоих случаях необходимо различать факты лингвистические, не имеющие текстологического значения (кроме характеристики отдельных списков), и факты языковые, имеющие важное текстологическое значение.

При этом приходится иметь в виду, что даже простые переписчики, стремившиеся оставить текст без изменения, только лишь размножить его, не могли передать его с точностью до буквы. Это объясняется самим процессом «рукописания», техникой его. Наибольшим вниманием к технике письма было при написании рукописей уставом. Но даже и при переписке текста скорописью появлялись отклонения от оригинала. В качестве свидетельства этому укажем сходные фрагменты из написанных ско-

рописью писем И. А. Безобразова к М. К. Грязеву и Тимофею Дмитриевичу (фамилия не указана)³.

Текст писем написан, возможно, одной рукой. Тем не менее в 23-х строках (по изданию) текста находим, кроме разницы в наименовании адресатов, такие расхождения в написании отдельных слов (первым в паре приводится пример из письма Грязеву): *слуцает*—*слушает*, *другая*—*др҃гая*, *на прошлые ж*—*на прошлые ж*, *без поноровки*—*без поноровки*, *на нонешней*—*на ношней*, *взят*—*всят*, *исъезжаи избы*—*из съезжаи избы*, *слушаем*—*слушаемъ*, *в ту ж пору*—*в ту ж порѸ*, *а делот без себя не велит*—*а делат гсдрь без себя не велит*, *не ездит жа*—*нѣ ездит же*, *не ездит*—*нѣ ездит*, *не ездить*—*нѣ ездит*, *а с утра приедет*—*а и с утра приедет*, *не ездит*—*нѣ ездит*, *ввечеру*—*ввечеру*, *не ездить*—*нѣ ездит*, *не делое*—*не делает*, *мне де наперез* боярина в съезжаю избу с утра и ввечер[у] *не ездит*—*мне де наперез* боярина с утра и ввечеру в съезжаю избу *нѣ ездит*, *с табаю*—*с тобою*, *а инолды не едет*—*а инолды не едет*, *одному делот нечаво*—*одному делат нечава*, *избу*—*избѸ*.

Все эти расхождения в написаниях отдельных слов важны для нас не только как свидетельство трудности буквального копирования оригинала. Они очень существенны для понимания самой сути языковых различий, так или иначе выявляющихся на письме, и для определения текстологической значимости некоторых из них. Причем для нас особенно важны те, которые не находят отражения в сводных текстологических изданиях, в том числе и в использовавшемся при написании настоящей статьи издании Сказания о Борисе и Глебе (см. ниже).

В рассмотренных выше сходных отрывках писем Безобразова имеется лишь одно м о т и в и р о в а н н о е смысловое расхождение, которое связано с разными адресатами отправляемого письма: в одном случае упоминается Миня Кириллович, в другом — Тимофей Дмитриевич.

³ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). Издание подготовили С. И. Котков и Н. И. Тарабасова. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 34 (№ 48: И. А. Безобразов М. К. Грязеву) и 35 (№ 49: И. А. Безобразов Тимофею Дмитриевичу).

Собственно описок только две: *слушает—слушает* (немотивированное ошибочное употребление буквы) и *нонешней—ношней* (пропуск слога).

Из явлений графики отметим мену букв *з* и *с*, *у* и *ш*, а также употребление выносных букв в одном случае и написание их в строку — в другом. О других явлениях графики (и тем более палеографии) по названному изданию судить не можем.

Из явлений, относящихся к языку, отметим следующие. Нет разночтений, заключающихся в мене морфологических форм. Из синтаксических явлений встретилось изменение порядка слов: в одном случае взаимно изменилось положение обстоятельств времени и места (в съезжую избу с утра и ввечеру не ездить — с утра и ввечеру в съезжую избу не ездить). Отметим также вставку (или сохранение) обращения *гсдрь* во втором письме и отсутствие (может быть, утрату) его в первом письме, а также введение второго союза: *а и с утра* вместо *а с утра* также во втором письме (если только здесь имеем дело не с разными предлогами: из утра — с утра).

Главная масса разночтений касается разного отражения в сопоставляемых списках одного и того же по содержанию произведения (в данном случае — письма) явлений фонетических. Так, в области ударного вокализма есть примеры на утрату особой фонемы *ѣ*: *не—нѣ* в отрицании, при общих для обоих писем написаниях через *е* остальных слов, имевших этимологический *ѣ*: деле (вместо *дѣлѣ*), делает (2 раза), делат (3 раза), приеду, приедет, приехал, приехав, не ездит (3 раза), съезжая (8 раз), некали, мне (3 раза). Кроме них встретилось слово *нивис* (нивьѣсть) с *и* вместо *ѣ* под ударением между мягкими согласными. Поскольку других примеров такого рода нет во всем письме к М. К. Грязеву и в нескольких, не являющихся повторением, строках письма к Тимофею Дмитриевичу, можно полагать, что здесь — явление лексикализации. Одно из разночтений связано с аканьем после твердых согласных в первом предупредительном слоге: с табою — с тобою. Общими написаниями в обоих письмах, отражающими то же явление, оказываются *каторые*, *никали* (2 раза). Более многочисленны разночтения, свидетельствующие о заударном аканье после твердых и отвердевших согласных: делот — делат (инфинитив), де-

лоет—делает (3 л. ед. ч.), не ездит жа—нѣ ездит же, причем примеры эти отражают все позиции — конечный закрытый слог, неконечный открытый, конечный открытый. Общими для обоих писем написаниями, отражающими неразличение гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных в неударных слогах, являются: делует, чесу, надобна, въ съезжаю и из съезжай (8 примеров), не едет жа, не ездет жа, нечава, чатырдесят; сюда же относится различие *не едет* во втором письме (в первом правильно: не едет), если оно не является простой опiskeй. Весь этот материал различений, встретившихся в повторяющихся частях двух писем Безобразова, отправленных с севера (из Холмогор), свидетельствует о южнорусском происхождении лица, написавшего эти письма. В неповторяющихся частях писем подобного рода написаний еще больше.

Из общерусских явлений фонетики в общих частях писем встретилось отражение ассимиляции согласных по глухости, известное русской письменности на протяжении ряда предшествующих веков и донныне.

Л е к с и ч е с к и х различений в сопоставляемых частях писем не встретилось.

К с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы м относится один пример: не едет жа—не ездет жа; он же одновременно и морфологический, так как представляет глагол в разных грамматических разновидностях несовершенного вида.

Какова же оценка указанных различений с точки зрения текстологической, если под собственно текстологическим исследованием мы понимаем здесь прежде всего вопрос о соотношении списков? Если бы оказался открытым третий список письма, то на основании каких данных, из числа перечисленных, можно было бы установить его бóльшую близость к тексту письма Грязеву или письма Тимофею Дмитриевичу? Пожалуй, почти ни на каких. В самом деле:

1) Употребление той или иной буквы для букв, имеющих графические (не палеографические) варианты, может быть совершенно самостоятельно и независимо от оригинала: для времени написания писем совпадение или расхождение в написании того или иного слова через *ou* или *8*, а не *y*, через *s*, а не *z* доказательством близости или отдаленности между собой отдельных списков произведения быть не может.

2) Отсутствие описок в понятных и простых случаях, как *слуцает* вместо *слушает*, *ншнши* вместо *нонешши*, не может свидетельствовать о близости нашего предполагаемого третьего списка к письму, не имеющему этих описок, так как восстановление правильных написаний вполне может быть здесь произведено самостоятельно и при переписывании с письма, содержащего эти описки.

3) Совпадение с одним из списков в порядке всего лишь двух слов также большого значения не имеет, поскольку оно может быть вторичным, т. е. появившимся вследствие нарушения порядка слов переписываемого оригинала (случилось же так однажды!).

4) Наличие обращения *гсдрь* также может быть результатом вторичной вставки; также и введение второго союза.

5) Повторение фонетически закономерных отклонений от традиционных написаний, так же как и восстановление этимологических написаний, не может быть свидетельством текстологической близости или отдаленности списков: как сам автор письма (если представить, что он сам переписывал свое основное письмо, направляя его нескольким адресатам), так и малограмотный переписчик свободно могли повторять этимологически неверные написания и давать новые в том же духе, поскольку написания эти отражают фонетически закономерные явления их живого языка.

Если наш предполагаемый третий список окажется вполне согласованным с письменной традицией (мы намеренно избегаем слова «орфография»), то это не будет свидетельством его первичности, не будет говорить и о близости к одному из двух рассмотренных выше писем. Можно будет лишь утверждать, что это «третье» письмо принадлежит иному писцу, а не писцу (писцам) первых двух писем, поскольку переписать его с соблюдением норм письменной традиции было бы трудно.

6) Не может играть текстологической роли и наличие—отсутствие отражения на письме ассимиляции согласных по глухости—звонкости, поскольку это явление общерусское и также закономерное.

7) Текстологической приметой может стать написание *едет* или *ездит*, поскольку оно связано со смыслом, а употребление определенного слова писцом—копиров-

щиком текста (как это мы увидим ниже) не могло быть произвольным. Наличие нескольких совпадений подобного рода между нашим воображаемым третьим списком и одним из двух, рассмотренных выше, будет свидетельствовать о их родстве (старшинстве одного по отношению к другому или восхождению к общему оригиналу).

Такого рода предварительные заключения могут быть сделаны на материале лингвистического издания двух родственных фрагментов. Этих данных, однако, слишком мало (за исключением фонетических, которых, в общем-то, достаточно), кроме того, они довольно однообразны.

В качестве основного материала для настоящей статьи в дальнейшем использовано очень ценное издание «Украино-русские памятники XI—XVIII вв. о князьях Борисе и Глебе», осуществленное С. А. Бугославским⁴. Для суждения о графических и фонетических различиях материал этого издания не пригоден (поэтому и использовалось выше лингвистическое издание С. И. Коткова и Н. И. Тарабасовой), но для суждения о таких категориях, как морфология и особенно лексика, он достаточен. Сам памятник избран потому, что его литературная история охватывает более 700 лет. Все это время он читался и переписывался⁵. Обилие дошедших до нас списков свидетельствует о том, что Сказание о Борисе и Глебе (далее СБиГ) вполне могло принадлежать к числу книг популярной библиотеки своего времени⁶.

В названном издании С. А. Бугославского (далее Буг.) содержится редкий по своему богатству материал разночтений, свыше чем из 160 списков разного времени и разных редакций. Достоинством книги С. А. Бугославского является издание основных текстов кириллицей и, что самое главное, соблюдение написаний рукописей. Этим требованиям редко удовлетворяют существ-

⁴ С. Б у г о с л а в с ь к и й. Україно-руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Глиба (розвідка й тексти). Київ, 1928, XXXIII, 206 стр.

⁵ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Указ. соч., стр. 40.

⁶ Может быть, именно о таких книгах, как о чем-то весьма простом и доступном, некий Яков в XIV в. писал своему куму и другу Максиму, называя их наряду с овсом: «укупи ми, кланяюся, овса. . . да пришли ми цтениа доброго». См.: А. В. А р ц и х о в с к и й и В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 96—97.

вующие издания, хотя подчас самими исследователями они признаются научными⁷. Для наших целей полезно также и то обстоятельство, что отбор разночтений, приводимых С. А. Бугославским подстрочко к основному списку каждой редакции, нельзя признать вполне последовательным; это не является достоинством книги, но в данном случае позволяет легче заметить разнообразие различий, имеющихсѧ в разных списках, и обратить внимание именно на те, которые представляются более существенными для рассматриваемой темы.

Как известно, разные списки одного произведения могут отличаться м о р ф о л о г и ч е с к и м и формами, причем некоторые из них, будучи всего лишь грамматическими и не имеющими отношения к текстологической группировке списков, требуют специального анализа при их квалификации, а не простой справки по парадигмам склонения и спряжения. Приведем пример из области существительных.

В СБНГ по Успенскому сборнику (далее — Усп. сб.) в словосочетании **тѣшаше срѣце своѣ словеси** (Буг., стр. 120, разночтение 148; далее вм. «разночтение» — разн.) представлен беспредложный местный падеж. В синодальной, силвестровской, северо-западнорусской редакциях и трех списках (F, G, y) чудовской редакции употреблен местный с предлогом: **о словеси** (Буг., стр. 120, разн. 148). В редакции торжественника здесь употреблен, притом во мн. числе, тв. падеж: **тѣшашеса словеси** (Буг., стр. 120, разн. 148). Как видим, во всех случаях употребления местн. падежа уже представлено вторичное окончание *и* (под влиянием типа *-i*-основ). Употребление же разных падежей характеризует разное глагольное управление.

В категории грамматического числа замена форм двойственного числа формами множественного и наоборот представляется чертой, не имеющей отношения к текстологии. Строить на основании замен такого рода выводы о группировке рукописей, с нашей точки зрения, было

⁷ Анекдотичные утверждения подобного рода указывает Д. С. Лихачев: «В текстологических введениях к изданию того или иного памятника нередко пишется: „Языковые особенности в издании сохраняются полностью; текст передается средствами современной орфографии“» (указ. соч., стр. 115).

бы неосмотрительно. Как известно, категория двойственного числа постепенно утрачивалась, причем в отдаленно родственных списках эта утрата могла проявиться одинаково, а близкородственные списки, наоборот, могли разойтись. Кроме того, приходится иметь в виду и обратную замену — восстановление форм двойственного числа каким-либо средневековым грамотеем в таких случаях, где в промежуточных списках они не употреблялись. Например, в сюжете об Адаме и Еве в Сильвестровском сборнике XIV в. и большинстве относительно старых списков той же редакции не встречается двойств. число. Но в более поздних списках — в Четых-минях Макария (XVI в.) и четей-минее Соловецкого монастыря по списку бывш. Казанской духовной академии (1569 г.) представлено двойств. число: **изгнана быста** (Буг., стр. 180, разн. 22). Налицо восстановление неживой к тому времени грамматической формы.

Не имеет существенного значения для группировки списков одного памятника и относится лишь к проявлению закономерных изменений в истории языка замена местоимения **ли** на **миѣ**. Это явление указано Бугославским для шести списков из 27, относимых, по его группировке, к чудовской редакции (см. Буг., стр. 101, разн. 137).

Рассматривая глагольные формы, можно отметить среди них такие, употребление которых имеет текстологическое значение, и такие, которые могли появиться параллельно, независимо друг от друга, под пером разных писцов и потому не являются безусловно текстологическим фактом. В качестве примера того, с чем может встретиться исследователь древних списков одного и того же памятника, можно привести следующие разночтения из Сильвестровского сборника (далее Сильв. сб.) и других списков этой редакции.

Так, в начале Сильв. сб. читаем: **бѣдѣо призри на смиреннѣ мое и подди же разумѣ срдцю моему. да съповѣдь** (так! — Л. Ж.) **оканьны. азъ всѣмъ послушающимъ житиа и мѣниа стую стр(с)трицю Бориса и Гѣва** (Буг., стр. 179). В Прологе 1406 г. вместо испорченного **да съповѣдь** написано **исповѣдь**. Еще в четырех рукописях той же редакции читаем **исповѣмъ** (ALPS по Буг.), в остальных — **исповѣѣ** (см. Буг., стр. 178, разн. 6). Оставив в стороне вопросы слово-

образования (приставка *с-*, возможно западнорусская, и приставка *ис-*), рассмотрим лишь флексию. Форма **сѣповѣдъ** является опиской. Форма **исповѣмъ** (вместо более древней **исповѣмь**) была, очевидно, в первоначальном чтении, так как смысл и употребление определения **оканьнии** свидетельствуют, что Нестор говорит здесь о себе самом.

Следовательно, мы должны ждать форму 1 л. ед. ч. наст. времени (в значении будущего), а не 2 л. ед. ч. аориста (что было бы, если бы Нестор говорил здесь о боге). Различие **исповѣдѣ**—**исповѣдъ**, возможно, восходит к периоду неустойчивости орфографии, типичной для времени непосредственно после падений редуцированных (ср. взаимную мену **ѣ—к—е** в Смоленской грамоте 1229 г.) и, может быть, к промежуточным западнорусским спискам. Таким образом, формы **исповѣмъ**, с одной стороны, и **исповѣдъ**, **исповѣдѣ**, с другой, хотя и содержат в себе чисто грамматическую разницу в числе, имеют отношение только к текстологии, а не к грамматике.

Среди разночтений в причастиях не можем признать равноценными такие разночтения в силовестровской редакции СБиГ. В Силв. сб. читаем: и **то имъ творци** (Буг., стр. 181, разн. 33), в списках **SDM** — **творцие**, в списках **ALGP** — **творцимъ** (Буг., стр. 181, разн. 33). Из них, с нашей точки зрения, два первых примера указывают лишь на смешение окончания муж. и жен. рода в причастиях, широко известное по другим древнерусским рукописям. Это различие, следовательно, является чисто грамматическим и вряд ли может иметь отношение к группировке списков. Но последнее разночтение в сопоставлении с обоими рассмотренными является уже чисто текстологическим. Форма **творцимъ**, по-видимому, появилась вследствие неверного согласования в падеже с предыдущим местоимением **имъ**. Грамматическими закономерностями здесь ничего не обусловлено, и последнее изменение имеет отношение только к тексту. Поскольку же чтение **и то имъ творцимъ** уже возникло, текстолог может (и должен) определить, возможно ли было в дальнейшем исправление текста переписчиком самостоятельно, исходя из смысла отрывка в целом, или только при обращении к другим, правильно передающим рассматриваемый фрагмент текста спискам. Из ответа на этот вопрос будет вытекать и ответ о воз-

возможностях группировки ближайше родственных списков произведения по данной детали текста.

В связи с этим представляет интерес отношение самого С. А. Бугославского к отбору теми или иными писцами грамматических средств из самой системы глагольных форм. Так, в одних случаях Бугославский приводит различия, связанные с употреблением аориста в одних списках и причастия с тем же материальным значением в других списках. Например, в основном тексте Сильв. сб. приведен текст: **иже съшеде съ неси и вселиса в стую двю и рожеса о(т) нех. дѣства же не вреже** (Буг., стр. 181), в разночтениях же указывается, что все списки, кроме D, имеют здесь причастие **вредивъ** (Буг., стр. 181, разн. 41). Но Бугославский не всегда обращает внимание на такие различия. Например, по разночтениям (18), приводимым на стр. 20, можно думать, что в списках ANPGMc синодальной редакции СБиГ имеется текст **посажа и**, тогда как в действительности в этих списках употреблен не аорист **посажа**, а причастие **посажавъ**, о чем читатель узнает из приводимых в том же труде разночтений 15 и 16 на стр. 116. Может вызвать возражение указывавшаяся и выше непоследовательность Бугославского в приведении одного и того же материала. С тем же, что он не признал текстологического значения за различием причастие—аорист, текстолог-лингвист мог бы согласиться, так как появление причастия вместо отживавшего свой век аориста происходило в разных местах русской территории и могло параллельно появиться в разных списках произведения, не связанных непосредственным родством, и, следовательно, могло не играть текстологической роли.

Следующий морфологический факт, с нашей точки зрения, мог бы иметь значение при группировке списков. Это — употребление в Сильв. сб. и подавляющем большинстве списков той же редакции формы глагола без **сѧ** в контексте и **трѣбы ндольския оупраздниша** (Буг., стр. 181, разн. 63), тогда как три списка (IGF) имеют форму—**оупраздниша сѧ** (еще четыре списка — LNPA — имеют другую лексему: **разориша сѧ**; см. ниже). Поскольку употребление этих форм несет не только грамматическую, но и некоторую смысловую нагрузку, мы ожидали, что группировка текстов IGF подтвердится

и на других разночтениях, приводимых Бугославским подстрочно, но этого не оказалось.

Из синтаксических явлений остановимся на порядке слов, так как разночтения этого рода широко представлены в древнерусских памятниках любого содержания. Например, очень много их в списках евангелия. Имеются они и в СБиГ. В качестве примера укажем: **скори соуть крѣвь пролиати бес правды** в Усп. сб. (Буг., стр. 121, разн. 180), тогда как в остальных списках той же редакции сначала идет сказуемое, а потом прямое дополнение: **пролиати кровь** (Буг., стр. 121, разн. 180). Аналогичный пример см. выше в письмах Безобразова. Объясняются эти различия тем, что русский язык в его истории (так же как и литературный язык, и народные говоры в настоящее время) характеризуется здесь свободным порядком слов. Вследствие этого употребление в том или ином списке какого-либо произведения при передаче одной и той же мысли одного порядка слов, а в другом — другого не может служить основанием для текстологической группировки списков этого памятника. Полагаем, что это соображение относится и к случаям, когда неодинаковый порядок слов употребляется в каком-либо из списков при изложении разных событий или идей сравнительно последовательно.

Однако есть отдельные детали в порядке слов, которые, видимо, могут иметь некоторое текстологическое значение, причем они в меньшей степени могут характеризовать генетическое соотношение списков и в большей — хронологическое. Сюда относятся случаи препозитивного и постпозитивного употребления местоименной частицы **ся** при глаголах и отглагольных формах. По нашим, правда, не специальным наблюдениям, постпозитивное употребление частицы **ся** начинается довольно рано. Л. А. Булаховский отмечает: «Даже в древнейших восточнославянских памятниках, наряду со случаями **ся** на втором месте ритмического отрезка фразы, решительно преобладают случаи постановки **ся** за глаголом, и чем далее, число таких примеров возрастает все больше»⁸.

⁸ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. т. II (Исторический комментарий). Изд. 4. Киев, 1953, стр. 214.

Поскольку изначально возможно было употребить **сѧ** перед глаголом и столь же допустимо было поместить **сѧ** после глагола, можно думать, что писец, копируя текст, в ряде случаев мог написать местоимение-частицу на том же месте, где она стояла в его оригинале, но также мог и переставить ее. Поэтому придавать большое значение этой примете в процессе выявления языковых материалов для группировки текстов нет оснований.

Выше при рассмотрении разночтений в грамматике было отмечено, что наряду с невозвратным глаголом **оупраздниша** в части списков сивьестровской редакции употреблена возвратная форма **оупраздниша сѧ**. Кроме того, в четырех списках (ALNP) отмечен глагол другого корня — **разорниша сѧ** (Буг., стр. 181, разн. 63). При более детальном знакомстве с материалом оказывается, что группа списков ALNP повторяется в таком сочетании неоднократно сама по себе, а иногда с добавлением одного или нескольких других списков. Содержание этих разночтений⁹ таково: 25. добавление слова: **по землѧи—по всен землѧи**; 27. иной порядок слов: **ожедаѧи и долготерпѧи—долготерпѧи и ожедаѧи**; 29. замена слова: **и—ни**; 60. замена слова: **шедше—видѣвши**; 63. замена слова: **оупраздниша, оупраздниша сѧ—разорниша сѧ**; 72. добавление слова: **изиде—изиде по оутрени**; 74 (опечатка—64). замена слова: **стоѧща—сидѧща**; 77. изменение слова: **право да—правда**; 84. добавлено слово: **а не бѣ—а не живу бѣ**; 85. замена причастия придаточным предложением: **створшему—иже створи**; 86. замена слова и изменение порядка слов: **нео лѣта своѧ—и всѧ своѧ лѣта (LNP), и всѧ во своѧ лѣта (A)**; 72 (вт. сч.). замена слова словообразовательным вариантом: **правднѣъ—праведнѣъ**; 73 (вт. сч.). добавление слов: **спону нѣкакѣ—спону нѣкакѣ наведе и**; 78 (вт. сч.). добавление слова: **къму г(с)а—къму крестъ г(с)а**; 79 (вт. сч.). добавление слова: **поклони сѧ—надъ поклони сѧ**; 80 и 81 (вт. сч.). добавление слов: **г(с)ъ же к нему—г(с)ъ же к нему рече азъ късмь**; 85 (вт. сч.) добавление слова: **и дѣтища—и два дѣтища**, и т. п.

⁹ Учтены только 100 разночтений первого счета и включенные среди них 71—89 разночтения второго счета (далее — вт. сч.; они были ошибочно пропущены, а потом пронумерованы теми же цифрами), см. Буг.; стр. 179—183.

Кроме того, повторяются группы из трех списков: LNP 14, 15, 20, 21, 53, 56, 62, 65, 66, 80, 82, 83, 89, также во вт. сч. 76, 82, 84, 86, 87 и снова в первом счете 92, 93, 97 и 98 (всего 22 случая); группа ALP — заголовок, 5, 6, 11, 28, 33, 43, 47, 54 (всего 9 случаев); группы ANP и ALN не встретились. Повторяются также группы из двух списков (как уже указывалось, иногда с называемыми вместе списками повторяются и некоторые другие, но последовательность повторения каких-либо из них обнаружить не удалось: LN — 22, 24, 42, 52, 57, 58, 59, 68, 75, 99, 100 (всего 11 случаев); NP — 8, 17, 40 (три случая); AP — 64, 67, 69 (три случая); LP — 4 (1 случай). В двух случаях список P оказывается вне связи с тремя остальными (разн. 45, 99), в двух—одинок список L (разн. 7, 49).

Приведенные количественные данные (с самими разночтениями желающие могут познакомиться по указанным номерам в книге Бугославского), с нашей точки зрения, являются еще одним свидетельством того, что выделенная выше группа из четырех списков не случайна. Характерно, что четыре списка — ANP (под N указаны два сходных списка) — являются рукописями Соловецкого собрания бывшей Казанской духовной академии и что никаких других рукописей этого собрания в числе остальных списков сивлестровской редакции Бугославским не приводится. Список A датируется XV—XVI вв. P — 1494 г., N — один 1569 г., другой — также XVI в. Отсюда закономерно вытекает предположение, что соловецкие рукописи представляют собой какую-то подредакцию рассматриваемого произведения. Четвертый список — L — это список Четых-миней Макария (умер в 1563 г.), хранящийся в ГИМ (Син., 180). Это обстоятельство позволяет предположить, что при составлении Макарьевских четых-миней использовались списки библиотеки Соловецкого монастыря или списки той же редакции.

Возвращаясь к материалу разночтений, по которым списки ALNP постоянно оказываются вместе, легко заметить, что подавляющее большинство разночтений падает 1) на введение (или сохранение; ответ на этот вопрос может быть получен в результате собственно текстологического исследования) добавочных слов (см. разночтения: 25, 72, 84, а также во втором счете 73, 78, 79, 80, 81, 85)

и 2) на замену одних слов другими (см. разночтения: 29, 60, 63, 74, 77, 86 и во втором счете 72).

Введение добавочных слов (на введении целых фраз и тем более отрывков мы не останавливаемся, так как это уже вопрос чисто текстологический) могло быть обусловлено прежде всего такими причинами:

1) Добавление одного из компонентов, обычно находящихся в постоянном соседстве, в частности, дополнение до устойчивого словосочетания. Из приведенных примеров сюда относятся: **по всей земли** вместо **по земли** (разн. 25) и **надъ поклони сѧ** вместо **поклони сѧ** (разн. 79 вт. сч.). Оба словосочетания широко представлены, например, в евангельских текстах, распространенных в XI—XIV вв. на Руси. Характерно, что сочетание **по всей земли** отмечено Бугославским еще для четырех рукописей (CIGF), т. е. всего для восьми из пятнадцати. Устойчивость названного словосочетания объясняется тем, что в нем слово **земля** реализуется в значении 'мир', а употребленное одиноко, оно скорее передает понятие 'почва'.

2) Уточнение на основании смысла предшествующего отрывка. Сюда, видимо, принадлежат: **изиде по оутрени** вместо **изиде** (разн. 72), и **два дѣтица** вместо **и дѣтица** (разн. 85 вт. сч.).

Фразеологические обороты и устойчивые словосочетания практически могли быть дополнены любым книжником, и поэтому мы склонны считать, что их роль в группировке текстов не может относиться к числу главных. Однако приведенная группировка рукописей Соловецкого монастыря как будто говорит о том, что наш подход слишком скептичен.

Введение поясняющих слов на основании контекста также практически могло происходить независимо в разных областях и под пером разных переписчиков. Хотя это менее вероятно, все же текстологу не следует исключать и такую возможность.

Наиболее существенными в текстологическом отношении нам представляются такие лексические расхождения в родственных текстах (списках одного памятника), которые могли изменять смысл сходных фрагментов текста. Из числа рассмотренных восемнадцати такими, видимо, являются: **шедше—видѣше** (разн. 60), **столица—сидаца** (разн. 74), **право да—правда** (разн. 77), **ибо—всѧ** (разн. 86).

Возможно, сюда же следует отнести слова: **оупразднѣша**, **оупразднѣша сѧ—разорнѣша сѧ** (разн. 63), **правдѣнь—правдѣнь** (разн. 72 вт. сч.). Последние два разночтения квалифицировать труднее, так как нет уверенности в объеме значения слов, входящих в соответствующие пары (подробнее см. ниже).

Примеры замены одних слов другими, в результате которой меняется смысл предложения или его части, легко могут быть умножены. Так, в Сильв. сб. и большинстве списков той же редакции читаем: **не продолжю рѣчи** (Буг., стр. 180), но в двух списках XVI в. стоит вместо **продолжю—приложю** (Буг., стр. 180, разн. 24). Одно из разночтений списка G той же редакции состоит в употреблении слова **мудроваше** вместо **м(с)рдоваше** Сильв. сб. и остальных списков (Буг., стр. 181, разн. 34). Любопытно разн. 39 в тех же списках (если только здесь не простая описка — слово недописано): все списки имеют сказуемое **имаше**, а список E — слово **има** (см. Буг., стр. 181). Остается неясным, как понимали это слово писец и читатели: как имя существительное? как несуществовавшую форму аориста?

При анализе лексических разночтений с точки зрения их текстологической значимости, кроме указанных выше особенностей, приходится иметь в виду следующие обстоятельства.

Вопрос о текстологической роли лексических разночтений является особенно сложным прежде всего вследствие специфики самих лексических различий в русском языке и его диалектах. Сюда относятся дробность и многочисленность лексических единиц. Если в фонетике число возможных различий определяется числом фонем и их возможных позиций, если в морфологии оно определяется крупными грамматическими классами и категориями, то в лексике различия по существу единичны и потому практически почти необозримы. Эти специфические особенности лексики в структуре языка определили собой неизученность лексических соотношений как в применении к самим лексическим единицам, так и в территориальном и хронологическом аспектах.

Особенно осторожно приходится подходить к текстологической оценке того или иного лексического факта при замене одиноко стоящих слов (в случае группы слов может быть параллельно возникшее переизложение мысли,

что, безусловно, имеет важное значение в ходе текстологического исследования, но уже не является языковым фактом хотя и выражено языковыми средствами).

Встретившись с лексическими разночтениями, исследователь-текстолог обязан ответить на вопрос, были ли отношения парности и, следовательно, взаимозаменяемости, между лексемами, составляющими разночтение. Ответить на этот вопрос в подавляющем большинстве случаев очень трудно. Особенно осторожным приходится быть в случаях, когда мы склонны дать отрицательный ответ, так как современное языковое сознание, недостаточная осведомленность в памятниках древней письменности и сама неполнота этих материалов иной раз заставляют видеть разницу в значениях сопоставляемых слов там, где в древности было единое значение и единое употребление или где эти различия были в достаточной степени аморфными. Например, разночтения **ран—порода** (*ὁ παράδεισος*) являются закономерными лексическими соответствиями, представленными в разных церковных книгах. Поэтому разночтение Сильв. сб. и других списков той же редакции **сътвори бѣ нбо и землю и вса яже на земли и насади на востоцѣ породу** (Буг., стр. 180, разн. 13) и Пролога 1406 г. (ГИМ, собр. Усп., № 3), где представлено слово **ран** вместо **порода**, не имеет такого существенного значения с точки зрения текстологической классификации текстов, как имели бы слова с разным значением. Разночтения, приводимые Бугославским, позволяют выявить лексические соответствия: **всѣить—волить—хощеть**. Так, в Усп. сб. читаем: **всѣить воля срѣдца твоего** (Буг., стр. 117, разн. 37). В более поздних списках той же редакции в том же контексте находим глагол **волить** — список А XVI в. и в списке В (дата не указана). В северо-западнорусской редакции представлено слово **хощеть** (Буг., стр. 117, разн. 37; см. также стр. 57). Материалы памятников традиционного содержания показывают, что соответствия **всѣить—волить—хощеть** представлены не только в СБиГ. Например, в тексте Мт. XI 27 в четверг 3—4-й недели по пятидесятнице в Остромировом ев. 1056—57 гг., Мстиславовом 1117 г. (также и в тексте на 20 января), Юрьевском 1118—28 гг., Добриловом 1164 г., Пантелеймоновом 1317 г. и многих

других читаем **аще хоцеть снѣ открьети**; в Московском 1358 г., в Иосифово-Волоколамском № 1 (ГБЛ), как и в южнославянских — Саввиной книге, Мирославовом, в рукописи из собрания Григоровича № 9/М. 1691 (ГБЛ) стоит **вѣдѣти снѣ открьети**; в Реймском, а также в старославянских Ассеманиевом, Зографском и Маринском **вѣдѣти снѣ открьети**; в Македонском — **извѣдѣти снѣ открьети**. Эти лексические параллели в одном и том же тексте, в том числе и в рукописях, распространенных на Руси, показывают, что древнерусские книжники могли заменять соответствующие слова одно другим. Следовательно, слова эти с точки зрения их текстологической значимости являются весьма уязвимыми. Приведем еще один пример. В Усп. сб. в цитатном материале читаем: **ако же и оцѣ мои преже стго крѣпленія славы ради и бжжениа мира сего. иже все мимоходѣти. и хуже науцины** (Буг., стр. 119, текст к разн. 105, 406). В чудовской и синодальной редакциях стоит глагол **мимоидѣти** (Буг., стр. 119, разн. 105). В редакции торжественника представлена не только эта лексическая параллель, но и текстологическое изменение: **иже все хуже науцины мимоидѣти** (Буг., стр. 119, разн. 106). Как показывает сопоставление с лексикой разных славянских и древнерусских списков евангелия, глаголы **мимоходѣти** и **мимоидѣти** находились между собой в отношении лексического соответствия и употребляются в разных списках в одном и том же тексте, например, Мт. XX 30 **мимоидѣти** — в Мстиславовом евангелии, **мимоходѣти** — в Остромировом, Архангельском 1092 г., Юрьевском, Сийском 1339 г., Мирославовом, Григоровича № 9/М. 1691 (ГБЛ), Македонском, а также старославянских Ассеманиевом, Маринском. Приведенные примеры показывают, что недостаточная осведомленность в области закономерных связей лексического состава языка в древнейшую эпоху и в средневековье может привести исследователя к установлению текстологической закономерности там, где налицо лишь лексическая.

Аналогичен пример разночтений 55 и 56 (Буг., стр. 181). Так, в Сильв. сб. читаем: **проповѣдите юуганиѣ по весен земли. и весь вѣру имѣти**. В двух списках этой редакции стоят вместо **весен земли** слова

всен твари, еще в четырех других вместо **вѣру иметь**) — **всакъ**, а в трех других вместо **вѣру иметь** — **вѣрукъ**. Каждая из трех названных пар разночтений широко представлена в древнерусских памятниках традиционного содержания, и потому вполне допустимо, что переписчики независимо друг от друга могли внести лексические изменения в соответствии с наиболее привычными для них словосочетаниями.

Особенно важно знание лексических соответствий в широко распространенных памятниках письменности, какими, например, являются памятники традиционного содержания, часто переписывавшиеся и широко распространенные на Руси. Для понимания лексического запаса древнерусского книжника исследователю-текстологу, видимо, важнее знать не состав слов, один или два раза встречающихся в малораспространенном памятнике, представленном лишь единицами списков, но прежде всего иметь в виду слова, с которыми писцы сталкивались более часто, может быть даже повседневно, причем не только в процессе активного переписывания или самостоятельного чтения, но и в процессе пассивного слушания (например, во время церковной службы). Памятники письменности традиционного содержания, даже евангелия, очень разнообразны в лексическом отношении, причем намечаются какие-то территориальные группировки их, но материал этот далеко еще не изучен не только в историческом (т. е. территориально-хронологическом) плане, но и в лексикологическом ¹⁰.

Например, возможно, что мы имеем дело с развитием значения слова **ЗЕМЛА** в следующих разночтениях. В Усп. сб. представлен текст **посажа вси по роснамъ землямъ въ княжении** (Буг., стр. 116). В списке Z чудовской редакции находим: **посажавъ вса разно по землямъ и градомъ** (Буг., стр. 116, разн. 15 и 16). В большинстве списков синодальной редакции читаем: **посажа и по разнымъ мѣстомъ и странамъ** (Буг., стр. 20), но в шести рукописях той же синодальной

¹⁰ Представить себе, какой словарный запас был присущ тому или иному княжеству или культурному ареалу, при настоящем состоянии исследования этой сложной проблемы еще нельзя. Нам этот вопрос кажется очень важным и актуальным, но и наши исследования словарного состава памятников традиционного содержания пока еще весьма предварительны.

редакции стоит: **посажавъ и по разнымъ градомъ и странамъ** (Буг., стр. 20, разн. 18). В 50 списках редакции торжественника представлено: **и посади ѿ на княжение въ градѣхъ** (Буг., стр. 3, а также разночтения 15 и 16 на стр. 116). Таким образом, в приведенных примерах в качестве словарных разночтений выступают слова: **земля—страна; градъ—мѣсто**. Кроме того, в отдельных рукописях и даже редакциях может отсутствовать один из двух элементов: в редакции торжественника нет территориального аспекта (только **грады**), в Усп. сб. нет упоминания о населенном пункте, центре, столице (**грады** не упоминаются, но только **земли**).

В указанной лексической четверке замена слова **земля** словом **страна** отмечена и в других древних памятниках. Так, в списках евангелия XI—XIV вв. слово **земля** было восточнославянским эквивалентом для обозначения территориальной общности. Слово **страна** было старославянским лексическим вариантом (может быть, только восточноболгарским?), но оно возобладало в русских рукописях, написанных после второго южнославянского влияния и так дошло до современного литературного языка. Замена слова **градъ** словом **мѣсто** (а не **земля** или **страна** словом **мѣсто**, как может показаться читателю, мыслящему современными лексическими понятиями), видимо, связана с западнорусским происхождением ряда списков или одного из них, послужившего промежуточным списком для остальных¹¹. Позднее западнорусские списки перекочевали и в другие места, где слово **мѣсто** воспринималось уже в общем значении «пространство».

Приведенные нами примеры имеют целью показать, что квалификация лексических разночтений с точки зрения их текстологической значимости — вопрос непростой.

Цитатный материал в разных списках одного и того же памятника также представляет определенные сложности для исследователя-текстолога. Вообще, по нашим наблюдениям над материалом памятников традиционного содержания, у древнерусских книжников был определен-

¹¹ Ср. польское *miasto* — город, название города Калужской обл. — *Мещовск* (*щ* из **stj*) и деревни *Местнич* в Мещовском районе.

ный плетет по отношению к цитатам ¹². Легко себе представить, что писец, привыкший слышать определенный цитатный материал в ином лексическом обрамлении, чем в списке, который он копирует, может сам внести необходимость, по его мнению, корректуру.

В текстологической классификации имеются более крупные и более мелкие подразделения. Общность — разница, относящиеся к содержанию (собственно содержанию, наличию определенных составляющих целое частей и их композиции), более значимы, чем общность — разница, относящиеся к выражению этого содержания, т. е. прежде всего к языку. В свою очередь и среди языковых явлений большую текстологическую значимость ¹³ имеют те различия, которые относятся к содержанию, к значению, чем различия, отражающие закономерные исторические изменения в языке (или хотя бы в отдельных территориальных диалектах). Наименьшую текстологическую значимость при определении родства списков одного и того же памятника письменности, как мы видели, имеют графика списков, отражение на письме фонетики и грамматических закономерностей говора писца.

Предложенное решение рассматриваемых вопросов отразится и на языковом отборе различий в текстологических сводных изданиях, в которых различия приводятся не по одному или нескольким, а по десяткам списков (как, например, в цитировавшейся выше книге Бугославского — по многим десяткам). Различия будут отражать прежде всего те стороны списков, которые связаны с разным истолкованием древним писцом содержания переписываемого текста. Когда различия касаются словарного состава списков, эти различия целесообразно приводить всегда, но строить на них текстологические заключения можно лишь в случаях полной уверенности, что различие — не синонимическая пара, не относится к лексическим вариантам, ши-

¹² Мы располагаем большим и, с нашей точки зрения, убедительным материалом для такого утверждения, но приводить его здесь нецелесообразно.

¹³ При условии, что основной задачей текстологического исследования считается выявление соотношения имеющих списков произведения, а не хронологическая и территориальная характеристика каждого из них в отдельности.

роко распространенным в древних рукописях¹⁴. Синтаксические различия, кроме, может быть, изменения порядка слов в небольших фрагментах текста, приводить в разночтениях также целесообразно. Из грамматических различий надо было бы приводить такие, которые связаны со смыслом, различия же, обязанные своим происхождением закономерным историческим изменениям грамматического строя и тем более фонетики, могут опускаться. Языковую характеристику по этим показателям каждого списка целесообразно по возможности давать в материалах, предваряющих издание самих текстов. Детали графики в приводимых разночтениях неизбежно должны опускаться, тем более если используются материалы многих списков памятника.

Д. С. Лихачев считает, что не может быть научных изданий, в равной степени удовлетворяющих ученых разных специальностей: «Научные издания, как нам кажется, — пишет он, — могут быть только целенаправленными»¹⁵; «Историк не может готовить издания для лингвистов, лингвист же — для историков»¹⁶; «Сторонники общих изданий древних текстов напрасно полагают, что между языковедами, литературоведами и историками может быть достигнуто единство требований, если только историки и литературоведы согласятся пользоваться изданиями «более точными в орфографическом и графическом отношении», чем те, какими они пользовались до сих пор»¹⁷. Нам представляется, что если издания важнейших памятников будут осуществляться так, что во всех случаях будет ясно, какой именно список или его часть воспроизводится на данной странице издания, если при этом список будет воспроизводиться буквально и лишь в разночтениях, приводимых обычно подстрочно, будет применяться облегченная и обобщенная орфография¹⁸, то такое издание может быть полезно не только литературоведу и историку, но и лингвисту.

¹⁴ Сравнительно большое число словарных соответствий, употреблявшихся в древних памятниках, можно найти в статье: Л. П. Жуковская. Лексические варианты в древних славянских рукописях. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка». М., 1964, стр. 5—17.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 472.

¹⁶ Там же, стр. 471.

¹⁷ Там же, стр. 470.

¹⁸ Конечно, для лингвиста были бы небесполезны разночтения в том написании, в каком они представлены в каждом отдельном списке, но при наличии десятка и более списков это практически нереально.